

В школе Хуа'у было очень строгое расписание. Ученики вставали в 5:30, выходили на утреннюю разминку в 6:00, утром отправлялись на уроки по профессиональным предметам, а днем – на общеобразовательные. После того, как в 20:00 заканчивалось вечернее самообучение, студенты шли на вечернюю тренировку и ложились спать тогда, когда хотели, но свет в спальнях в любом случае выключался в половине одиннадцатого.

Хотя Сянь Цай очень хотел сделать вечерние упражнения, он не забыл, что раньше пообещал послушать демо Великого Бога Ван Цинъюня и написать для него длинный отзыв.

К счастью, демо было недлинным. Сянь Цай нашел тихий угол, чтобы размять ноги. Он хотел запустить демо во время тренировки, но ему не хотелось делиться голосом своего кумира с другими людьми.

Он мог только попросить на время наушники у Ци Цзи.

- А разве у тебя своих нет? – спросила она.

Сянь Цай покраснел, вытаскивая спутанный провод. Это были наушники, которые шли в комплекте с его дешевым телефоном на андроиде и были очень плохого качества. Он упорно пользовался ими и бережно их хранил. Места, где провод треснул, он аккуратно заматывал скотчем, но даже при таком обращении наушники не выдержали испытания временем – несколько дней назад в одном из кабелей пропал звук.

Сянь Цай считал, что в таких наушниках можно слушать упражнения по английскому, музыкальный аккомпанемент и радио по утрам. Но они были недостойны голоса Великого Бога Ван Цинъюня.

Видя замотанный скотчем кабель, Ци Цзи почувствовала боль и торопливо сказала:

- У меня еще одни есть. Я эти тебе отдам.

- ... Они ведь дорогие, правда? – Сянь Цай все-таки мог узнать бренды, которыми пользовалась Ци Цзи. Это был Apple, и один телефон стоил тысячи юаней.

- Не, не дорогие, они же не оригинальные, две или три сотни, – Ци Цзи настояла на том, чтобы отдать ему наушники.

Она была доброй девочкой, но не знала о том, что телефон Сянь Цая за 800 юаней прислал ему отец. Он пользовался им уже два года и это стоило ему 19 юаней в месяц.

Сянь Цай даже наушники одолжил у Ци Цзи. В данный момент он жил и питался в школе, ему выдавали школьную форму и спортивную одежду. Из-за его хороших оценок школа не только не брала с него плату за обучение, но и платила стипендию – 1000 юаней в год. В месяц

выходило 83 юаня. Через три месяца он смог бы вернуть деньги за наушники.

Он забрал наушники, тихо нашел себе уголок и с благоговением подключил кабель к телефону.

Он считал себя самым большим эгоистом в мире: Ци Цзи дала ему такие хорошие наушники, а он должен был скрываться от нее и слушать демо в тайне. Но – тут он утешил себя – Юнь Да ведь сказал, что это демо может слушать только он.

Следовательно... он ведь не был таким плохим, правда?

Он сидел в углу, упираясь ногами в стены, и нагнул голову, прикрывая телом телефон в руках. Со стороны казалось, что он просто делает упражнения, и никто не заметил, что он что-то слушает по секрету.

На экране круговой символ, обозначающий буферизацию файла, развернулся, и Сянь Цай уставился на экран, затаив дыхание и не смея даже моргнуть.

Наконец-то экран загорелся. Листья ивы поднимались вверх, танцевали в воздухе, ветер уносил их вперед... Тут же в его ушах раздался мужской голос:

- When I was young, I lived in small town in South China...

Тань Имин забыл сказать Сянь Цаю, что озвучка этого демо была сделана на английском.

Сянь Цай к такому вообще никак морально готов не был. Он был застигнут врасплох. Когда он услышал, как этот человек говорит на отличном английском, точка милоты, которая у него, как он думал, давно застыла и затвердела, внезапно получила сильный удар.

В панике он торопливо стянул наушники, будто бездомное животное, впервые почувствовавшее человеческую доброту, жаждущее и одновременно боящееся нежности.

Он подумал: «Это потому, что наушники за двести юаней такие качественные?». Так... так вот почему голос Ван Цинъюня звучал так близко, так близко к сердцу? Он чувствовал, как у него горит лицо, и продолжал слушать.

Заглавие «Медленный напев» на экране выглядело как плавно разворачивающийся свиток, а мужской голос походил на кисть, которая писала на нем, оставляя череду чернильных следов.

Это был первый раз, когда Сянь Цай услышал, как Ван Цинъюнь говорит по-английски. Хотя он знал, что тот учится за границей, «знать» и «на самом деле слышать» очень сильно отличались друг от друга. Когда Ван Цинъюнь произносил текст на английском, его голос звучал немного глубже, чем при разговоре на китайском, так, как если бы он читал стихотворение.

Сянь Цай быстро погрузился в мир героя и прошел за ним через два континента и несколько десятилетий. Самой интересной вещью было то, что так как главный герой за время анимационного фильма прожил пятьдесят лет с детства до старости, Ван Цинъюнь во время дубляжа изменял голос. Юношеская бодрость, дух средних лет и невзгоды пожилого возраста – все они ярко выражались голосом.

Тринадцать минут прошли в мгновение ока. Сянь Цай был опьянен анимационной короткометражкой, но еще больше – ностальгией героя.

Что такое тоска по дому?.. Сянь Цай думал, что не знал этого, но на самом деле она всегда была с ним.

Сянь Цай не родился в Хуаши. Он жил в маленьком городке, о котором большинство людей никогда слыхом не слыхивали. Прием в среднюю школу Хуа'у был открыт для учащихся со всей страны. В возрасте одиннадцати лет он приехал в Хуа'у на собеседование по направлению от своего учителя танцев. Родители Сянь Цая возлагали на это большие надежды: обучение танцам обходилось слишком дорого, но директор танцевального отделения пообещал, что если ребенка примут в среднюю школу Хуа'у, то они не только не будут платить за обучение, но и получат большую сумму в награду.

Позже Сянь Цай «зарабатывал» деньги для своих родителей, а его фото висели на доске почета танцевального зала, как живой пример успеха.

И хотя танцевать было тяжело, Сянь Цай действительно любил среднюю школу Хуа'у. Условия в школе были хорошие, учителя и одноклассники добрые... но все это не было его родиной. В столовой не подавали ни местную кухню, ни деревенские продукты. Домой он мог съездить только во время зимних и летних каникул, но сверстники держались от него на расстоянии и смотрели на него издали. Они говорили, что Сянь Цай странный, и что они не понимают, почему мальчик хочет походить на девчонку и заниматься балетом. Они не понимали, почему Сянь Цай не играл в онлайн-игры и говорил только на путунхуа.

[Прим. пер. Путунхуа (mandarin) – северный диалект, утвержденный в качестве «официального», стандартного китайского языка.]

Сянь Цай всегда был одинок, но просто не осознавал свое одиночество. Он не понимал этого до тех пор, пока не встретил Ван Цинъюня, не услышал эту историю и не осознал, что самое одинокое место в его сердце существовало всегда.

Но больше всего его удивило то, что кроме волшебного голоса и картинки, он услышал в саундтреке к видео знакомую мелодию!

Три части «Второго рывка» сосредотачивались на разном. Первая была похожа на шторм, вторая – нежной и чистой, а третья, та, что послужила источником «Елены», – полна красок.

Сянь Цай так долго слушал «Второй рывок», что как только зазвучал аккомпанемент, он сразу же узнал его тему. Он не знал, какими словами описать это совпадение, но и правда был из-за этого счастлив.

Его пальцы порхнули и напечатали серию похвальных слов, пока он думал о своей удаче. Но, закончив писать, он перечитал отзыв и подумал, что его слова были слишком небрежными.

Но он не хотел удалять предложение... это предложение нельзя было заменить... Если бы он мог написать столько слов в сочинении и заданиях на понимание, когда сдавал экзамен по китайскому языку!

Подумав об этом, он наконец-то набрался храбрости и отправил большой абзац Ван Цинъюню в сети.

Из-за разницы во времени, в тот момент, когда у Сянь Цая было девять вечера, на другом конце связи наступало только девять утра. Сянь Цай надеялся, что Мужской Бог прочитает длинный комментарий как можно быстрее, но в то же самое время он надеялся, что Ван Цинъюнь сделает это попозже. В этом мире и правда не было никого более противоречивого, чем он сам.

После того, как Сянь Цай отправил свой длинный отзыв, Ван Цинъюнь ему не ответил, хоть его статус и отражался как «онлайн».

Сянь Цай внезапно запаниковал. Он в тревоге перечитал свой текст и внезапно почувствовал, что то самое предложение вовсе не радует глаз, что он, не думая, написал слишком много похвал, а обзор содержания работы состоял всего лишь из нескольких строк.

Неужели Великий Бог подумал, что он умышленно льстит? Сожалеет ли он о том, что послал ему демо? Может быть, несмотря на то что Великий Бог сказал, что послал демо ему одному, на самом деле оно было у всех, кто состоял в группе аудиодрам, и каждый думал, что он – единственный?

Сянь Цай долго думал об этом, даже не сознавая, что его внимание к Ван Цинъюню выходило далеко за пределы нормы.

И таким образом он невольно пропустил двухчасовое вечернее занятие. Ци Цзи несколько раз походила к нему поговорить, но была сбита с толку его оцепенением.

Когда в 22:30 выключился свет, Сянь Цай лег в кровать и приготовился собраться с духом и заговорить с Великим Богом, от Ван Цинъюня наконец-то пришел ответ.

Имин Цинъюнь: Прости, утром было слишком много работы, и я только что прочитал отзыв, который ты отправил.

Имин Цинъюнь: Ты очень хорошо написал, мне правда даже стало стыдно.

Имин Цинъюнь: Я просто поделился своим голосом, режиссер и сценарист гораздо сильнее меня.

Имин Цинъюнь: Этот ребенок уснул?

Имин Цинъюнь: Давай поговорим завтра, когда ты встанешь утром.

Но Сянь Цай не спал.

guess: Нет, просто свет в общежитии уже выключили, но я не сплю!!!

Имин Цинъюнь: Свет выключили? Университетские общежития обычно не выключают свет.

Имин Цинъюнь: Так ты еще учишься в старшей школе?

guess: Нет-нет!!!

Сянь Цай соврал.

Он не хотел, чтобы Бог, которому он поклонялся, знал, что он все еще школьник. Сянь Цай совсем не ощущал себя наивным, он думал, что был взрослым человеком.

guess: Я старший!

guess: Мне 22, я уже очень взрослый!

Он хотел похвастаться.

Сянь Цай специально подчеркнул, что «очень взрослый», потому что в глазах подростка, каким он был, возраст старше двадцати казался невыносимой зрелостью.

Но еще он знал, насколько его ложь слаба, и боялся, что Ван Цинъюнь продолжит его расспрашивать и разоблачит, поэтому быстро сменил тему.

guess: Юнь Да, я посмотрел демо! Мне действительно понравилось!

guess: Я не знаю, в каком конкурсе вы участвуете, но я верю, что вы выиграете главный приз!!!

guess: Если вам приза не дадут, то там точно что-то темнят!!!

По другую сторону океана, читая эти слова, Тань Имин сидел в комнате отдыха своей компании. Чашка кофе в его руке затряслась, и кофе чуть полностью не вылился на пол.

Имин Цинъюнь: ... Ты знаешь, мой сосед по комнате вчера сказал практически то же самое.

Имин Цинъюнь: Вы все преувеличиваете.

Имин Цинъюнь: В этом мире существует много людей, мы все живем под огромным небом. Кто сказал, что, если мы не выиграем приз, конкурс обязательно должен быть нечестным? Есть много людей в этом мире, которые лучше нас.

guess: [громкое кря].jrg

guess: Не много!

guess: В этом мире нет никого лучше вас!

Сянь Цай раньше слышал голоса ведущих радиостанций, а еще – аудиокниги в интернете. Голоса ведущих были очень хороши – но не было никого, кто мог бы понять его сердце лучше, чем Ван Цинъюнь.

Другие люди влюблялись с первого взгляда, он же влюбился с первого звука.

Сянь Цай упрямо повторил это.

guess: Юнь Да, вы можете выиграть приз!

guess: [милашка-гусь расправляет крылья].jrg

Имин Цинъюнь: Тогда я позаимствую твои добрые слова.

Имин Цинъюнь: Но мы отправили эту работу на конкурс анимационных фильмов, а не на конкурс дубляжа.

Имин Цинъюнь: [смех] [смех] [смех]

guess: Все в порядке, я могу дать вам приз в своем сердце!

guess: В моем сердце вы – самый-самый-самый лучший вообще самый лучший актер дубляжа в мире!

Имин Цинъюнь: ...

С самого начала и до конца Тань Имин не стал говорить Сянь Цаю, сколько всего скрывалось за этим демо. Он не разговаривал с Сянь Цаем о коммерческом дубляже, не упоминал о своих решениях, колебаниях, взлетах и падениях.

Он просто... просто хотел показать демо Маленькому Лебедю.

Но Маленький Лебедь не только его прослушал. Прослушав, он очень его похвалил, а еще сказал, что даст ему приз в своем сердце... Тань Имин подумал, что, если он и получил бы какой-нибудь приз, лучше бы он отдал его этому ребенку.

Имин Цинъюнь: Кстати, я увидел, что ты в своем обзоре упомянул аккомпанемент.

Имин Цинъюнь: Тебе нравится классическая музыка? Тоже любишь Рахманинова?

guess: [лебедь кивает].jpg

guess: Потому что весь балет – это фортепианная музыка.

guess: Например «Лебединое озеро» Чайковского или «Спящая красавица» – на самом деле балетные сюиты. Я их с детства слушал.

guess: По совпадению, так получилось, что мы сейчас изучаем «Второй рывок», так что я смог узнать аккомпанемент сразу, как услышал!

guess: [лебедь гордо задирает хвост].jpg

Имин Цинъюнь: О? Балет по «Второму рывку»?

guess: Это не балет, это музыкальный спектакль.

Только отправив сообщение, Сянь Цай понял, что выдал себя.

То, что он написал, было плохо. Ему надо было только упомянуть, что они недавно изучали «Второй рывок». Раньше Сянь Цай говорил Ван Цинъюню, что он – танцор балета, хороший танцор, зачем бы ему понадобилось учиться вокалу?

Он попытался отозвать последнее сообщение, но руки у него дрожали, и вместо «отозвать», он нажал на «удалить».

Но пока он соображал, как бы ему сочинить правдоподобную ложь, Тань Имин, который ничего не знал о студентах, изучавших искусство, сам придумал «разумный ответ».

Имин Цинъюнь: Вы, студенты творческих специальностей, тяжело трудитесь.

Имин Цинъюнь: Устаете, занимаясь балетом, а потом берете вокальные курсы.

guess: ...

guess: Да! Это электив!

guess: На самом деле это не обязательно! Это не тот курс, без которого нельзя получить диплом!

Дальше эта тема у них не пошла. Сянь Цай просто перепрыгнул на другое и пожаловался, что никто из одноклассников не хочет с ним петь, поэтому ему и придется исполнять «Елену» в одиночестве.

guess: «Елена» очень красива, жаль, что мой голос слишком тонкий.

guess: Если бы я только мог найти кого-нибудь, чтобы гармонизировать песню.

guess: Я могу сделать хорошую запись заранее. В любом случае на экзамене будет использоваться аккомпанемент.

Написав это, Сянь Цай внезапно среагировал - разве прямо сейчас перед ним не находился лучший голос в мире?

Если бы он смог упросить Великого Бога Ван Цинъюня спеть с ним...

...Но согласится ли Великий Бог?

Сянь Цай знал, что просить о таком было бы слишком смело, но совершенно не мог удержать свой порыв. Это было похоже на то, будто в его сердце ворвался огонь и заставил его написать эту строку.

В темноте на его лицо падал только свет от экрана мобильного, подчеркивая привлекательные черты.

Пожалуйста... Пожалуйста...

Такой хороший человек, как Юнь Да, обязательно согласится, верно?

Он уже получил две конфетки. Если он проявит инициативу и будет храбрым, к нему на ладонь обязательно упадет третья, верно?

guess: [лебедь плачет].jpg

guess: Тогда... Великий Бог...

Сянь Цай сделал глубокий вдох.

guess: Могу я попросить тебя спеть со мной?

guess: Я, я... у меня есть партитура с переведенными текстами, это очень просто! Только несколько слов!

guess: Это правда не отнимет у тебя много времени!!!

В спешке Сянь Цай даже написал «тебя». Но в тот момент ему было все равно. Поставив последний восклицательный знак, он держал свой телефон, широко раскрыв глаза и неотрывно глядя на слово «Печатает» в диалоговом окне.

Одна секунда... Две секунды... Три секунды...

Десять секунд... Пятнадцать секунд... Полминуты...

Чем дольше ждал Сянь Цай, тем ниже падало его сердце. Эти тридцать секунд ожидания стали для него американскими горками. Он уже пожалел о своей наглой просьбе, летя на этих горках вверх и вниз, он пожалел о ней 800 раз.

Телефон завибрировал, и в конце концов на экране появилось одно короткое слово.

Имин Цинъюнь: Извини...

Сянь Цай: ...

Он это знал.

Сянь Цай рухнул на подушку, засунув под нее нагретый телефон.

Что он наделал!!! Понятно же, что к Великому Богу тяжело приблизиться, но он не выдержал и бесстыдно стал его просить!!! Сянь Цай Юнь Да всего лишь несколько слов сказал, ради чего Великому Богу тратить свое личное время на запись вокала для чьего-то годового экзамена??!!!

Он понимал все это умом, но эмоционально из-за простого отказа Сянь Цай почувствовал себя полностью разбитым.

В темноте мальчик опустошенно вздохнул, закрыл глаза, и смахнул накопившиеся в них слезы.

В этот момент телефон под подушкой снова завибрировал.

Сянь Цай: ...

Он подумал, что не нужно ему смотреть, смотреть дальше было бы унижительно.

Но его рука неудержимо сама собой протянулась к подушке и вытащила из-под нее телефон.

Свет экрана был очень ярким.

Он сощурился в темноте, вглядываясь в слова, появившиеся в диалоговом окне.

Имин Цинъюнь: Извини.

Имин Цинъюнь: У меня врожденный неполный тон.

Имин Цинъюнь: Если я буду петь с тобой дуэтом, ты, скорей всего, провалишься.

Сянь Цай: ...???

Имин Цинъюнь: Предлагаю тебе записать вокал самостоятельно, потом соединить сырую запись вокала и аккомпанемент, а затем снова спеть самому.

Имин Цинъюнь: Если ты стесняешься попросить помощи в группе,

Имин Цинъюнь: тогда, Маленький Лебедь, я смогу тебе помочь.

<http://bllate.org/book/13905/1225467>